

Георгий Бурков:

СТОЛЬКО ЕЩЕ НУЖНО СДЕЛАТЬ...

Немало ролей, больших и эпизодических сыграно заслуженным артистом РСФСР Георгием Бурковым в кино и театре. Многим помнятся они: сражающийся за Родину шолоховский Сашка Копытовский, чеховский жених, злоеущий Губошлеп из «Калины красной» В. Шукшина, виртуоз из его же «Печек-лавочек»... Да всех и не счесть.

По просьбе читателей «Труда» наш корреспондент встретился с Г. Бурковым.

— Георгий Иванович, вы выступили в новой для себя роли режиссера-постановщика и сняли фильм «Байка». Почему популярный, любимый зрителями актер решил заняться кинорежиссурой?

— Актерская судьба складывается из ролей, которые тебе предлагают режиссеры. В мои же тайные планы всегда входили занятия режиссурой. Я шел к этому очень долго, так как искренне считал: не настало мое время. Один из героев пьесы Леонида Леонова «Обыкновенный человек» говорит о том, что нужно быть жестоким к себе, чтобы другие потом не были жестоки к тебе. Эти слова врезались в память и многие годы заставляли меня быть требовательным, беспощадным к себе, каждый раз сомневаясь в том, что делаешь на сцене, на экране.

— Для своего режиссерского дебюта вы выбрали сценарий Нины Семенович «Байка». Чем привлекла вас эта писательница?

— Василий Макарович Шукшин, с которым мы дружили многие годы, заставил меня, человека городского, «заболеть» деревенской темой.

Когда мы вместе с сопостановщиком Германом Лавровым искали сценарий, то остановились на «Байке» смоленской писательницы Нины Семенович. Привлек нас характер героини — простой деревенской женщины Малаши. Прочитал сценарий — и как бы воочию увидел простое, тронутое загаром, вроде бы и не такое уж красивое лицо. В фильме ее сыграла Нина Усатова. Может быть, открытие этой актрисы и есть самый главный результат нашей работы.

— А достаточно ли этого? Ведь сегодня, пожалуй, самые острые социально-нравственные, экономические проблемы стоят в реальной жизни перед деревней и требуют незамедлительного разрешения. Тут бы и художнику вмешаться. А у вас — «Байка»...

— Согласен: сегодня злободневность становится чуть ли не важнейшим критерием в оценке художественного произведения. Но задумаемся и над другим: не говорит ли повальное увлечение художников негативными сторонами жизни об известной ограниченности нашей? Нужно, по-моему, настойчиво искать и позитивную альтернативу, показать современника — носителя высоких достоинств. Он в последние годы стал все реже появляться на сцене и киноэкране. Героев аттестовывали по «анкетным» данным, зачисляя в разряд положительных. А человек земной, со своими слабостями и сложностями — такой, например, как ватпиловский Зилов. — по странной логике попадал в однозначные антигерои, так же, как и шукшинские «чужаки»...

В своей картине мы тоже стремились осмыслить положительного героя нашего времени. Мы рассказали о неравнодушном человеке, который сумел сохранить удивительное, иногда кажущееся наивным свойство любить окружающих, откликаться на чужие невзгоды.

Несмотря на все трудности, несправедливость, испытания, которые пришлось преодолеть нашей героине, она не ожесточилась, не зачерствела душой. Так же, впрочем, и многие простые люди: чего только не делали в деревне, каких только экономических экспериментов там не ставили, а народный оптимизм сохранился...

— В новой картине вы выступили и как исполнитель главной мужской роли. Многие годы слежу за вашим творчеством и вижу, как герой смешной, сатирический, с которыми привычно связывалось ваше имя, все более уступает место герою драматическому...

— Дело в том, что мои герои выросли вместе со мной и так же, как и я раньше, столь остро не ощущали драматизма жизни. Между тем история наша накопила множество трагедий, о которых наконец-то необходимо рассказать, чтобы зритель вместе с художником страдал, мучился и приходил к очищению.

Мы еще не в полной мере оценили тот мощный трагический образ, который создал Шукшин в «Калине красной». У Егора Прокудина, мне кажется, не существует аналогов и по сей день...

Рано, конечно, нам плясать, радоваться, праздновать. Ведь столько еще нужно сделать, чтобы слово «перестройка» наполнилось содержанием конкретных событий, достижений, судеб...

— Сегодня у людей искусства появилось больше возможностей осуществить свои замыслы: берись за любую

тему. А конкретных дел еще очень немного.

— Пройдет время, пока подлинные художники пробьются через административные и критические патрули, которые еще далеко не везде устранены.

К примеру, можно расходиться в оценке картин Сергея Бондарчука, но любя критика должна быть объективной и, конечно же, доброжелательной. Хочется надеяться, что время директивной, а также зараженной групповщиной критики проходит, и можно свободно обсуждать работы своих товарищей по искусству, обмениваться мнениями, пусть противоположными, не боясь, что в отношении критикуемого будут сделаны «оргвыводы».

Что скрывать, многие из нас оказались просто не готовыми к перестройке. Любой революционный перелом в общественной жизни (а именно таким является перестройка) исключает личное спокойствие, с которым нелегко расстаться. Каждому из нас надо осознать свои цели в искусстве, спросить себя: для чего я работаю? Для того, чтобы показаться в новой роли, продемонстрировать по профессиональной и иерархической лестнице, заработать больше денег, получить очередное звание? Или все-таки затем, чтобы возродить полнокровное, жизнью, светом и болями времени наполненное искусство?

Да и любимые актеры, за которых «болею», радуют редко. Давно и пристально наблюдаю и многого жду от Алексея Петренко, хотя пока, к сожалению, ему не предлагают роль, равную по внутреннему накалу той, что он сыграл в «Агонии». Начинаю переживать за Андрея Болтнева, когда все чаще вижу его в слабых картинах: только бы не растратился, не занизил свои творческие критерии! Люблю Александра Феклистова — актера мыслящего, интеллектуального, который давно дожидается своей роли. Очень надеюсь, что они смогут в ближайшее время работать в полную силу.

Важно понять, что перестройка — не сведение счетов, не новая расстановка сил, не захват постов и положений новыми лицами. Тут страшно, опасно возвратиться к старым стереотипам под новыми лозунгами. Это прежде всего процесс нравственного очищения. Поэтому художникам больше нельзя медлить, а то дождемся, что живучие чиновники от искусства, демагоги дискредитируют своим участием перестройку, ее нравственную суть.

— На кого вы возлагаете самые большие надежды?

— На творческую молодежь. Надо сделать все от нас зависящее, чтобы дать молодым возможность высказаться: ставить спектакли, снимать фильмы, играть новые роли.

Главные мои надежды связаны с театром. Одним из решающих направлений нового театрального движения должно стать глубокое, серьезное исследование характера. Полуобразованность актера — скомороха отмирает, уступая место актеру-ученому, исторически и социально грамотному. Только такой способен сегодня удивить, потрясти зрителя.

— Ну а какие встречи ждут кинозрителей с Георгием Бурковым в ближайшее время?

— Начинаю работу над экранизацией повести Шукшина «Два третьих петухов». Несправедливо, что человека, который рвался в наше время, не щадя себя торопил его приближение, сегодня нет с нами. А ведь его притча о тсм, как Иван за справкой ходил, нисколько не утратила своей злободневности. Буду ли сам играть в этой картине, еще не знаю.

На пути к экрану новые мои актерские работы в фильмах «Прощай, шхана замоскворецкая» А. Панкратова и «Башня» В. Трегубовича. Удалось ли в них отойти от утвердившегося стереотипа, не повториться? Подождем немного и посмотрим вместе с читателями «Труда».

Беседу вел

Марина ПОРК.